



DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10019

## КРУГЛЫЙ СТОЛ «ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКИХ РЕФОРМ В ИЗМЕНИВШЕМСЯ МИРЕ»

### ЧАСТЬ II: «ТОРМОЖЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ, ТОРГОВАЯ ВОЙНА С США, ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТЕЙ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОСТА ВОЗМОЖНОСТЕЙ КИТАЯ»

<p><b>Информация о статье:</b>  <i>Поступила в редакцию:</i>                  15 января 2019  <i>Принята к печати:</i>                  13 апреля 2019</p>	<p><b>Аннотация:</b> Редакция журнала «Сравнительная политика» публикует <i>Круглый стол «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире»</i>. Часть II: «Торможение китайской экономики, торговая война с США, оценка возможностей стимулирования роста возможностей Китая», посвященного результатам анализа динамики и современного состояния процесса экономического и политического реформирования в Китае. На мероприятии выступили и приняли участие в дискуссии исследователи МГИМО МИД России, ИДВ РАН, РУДН, ИВ РАН, НИУ ВШЭ, ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН, НИИ ВИ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, РИСИ, МГУ имени М.В. Ломоносова. Ведущие российские эксперты обсудили новые цели китайских реформ на обретение мирового лидерства в науке и технике, возможность достижения этих целей, их влияние на мировой статус Китая, а также последствия в условиях конфронтации с США. Также обсуждался вопрос, куда будет толкать Китай рост напряженности с Западом – в направлении расширения открытости и либерализации экономики, либо в сторону увеличения автаркии в духе «опоры на собственные силы»? Какие факторы могут побудить китайское руководство к проведению политических реформ? Эксперты также обсудили основания появления в ходе продвижения китайских реформ общезначимой «китайской модели», которая может быть предложена в качестве альтернативы западной модели другим странам и вопрос возможности заимствования Россией на нынешнем этапе развития или странами постсоветского пространства каких-либо компонентов «китайской модели». Также анализировалась вероятность того, что вокруг Китая будет формироваться новый экономический «полюс» современного мира, а также выгоды и какие проблемы для тех, кто будет пытаться к нему присоединиться.</p>
<p><b>Ключевые слова:</b>                  китайская экономика;                  торговая война; Китай;                  КНР; США;                  китайские реформы;                  мировое лидерство;                  наука; напряженность;                  Запад; открытость;                  либерализация; автаркия;                  политические реформы;                  китайская модель;                  китайский                  экономический «полюс»</p>	

Московский государственный институт международных отношений  
 Министерства иностранных дел Российской Федерации  
 Центр комплексного китаеведения и региональных проектов  
 При поддержке журнала «Сравнительная политика»

*Ведущий круглого стола – директор ЦКК и РП МГИМО МИД России,  
 д.полит.н., доктор философии (Манчестерский университет),  
 профессор А.Д. Воскресенский*

#### УЧАСТНИКИ КРУГЛОГО СТОЛА:

**БОРОХ Ольга Николаевна**, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН; **ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович**,

главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, профессор РУДН; **ВОРОНЦОВ Александр Валентинович**,

руководитель отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **ВОСКРЕСЕНСКИЙ Алексей Дмитриевич**, директор Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **ГАЛЕНОВИЧ Юрий Михайлович**, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН; **ДИКАРЕВ Андрей Дмитриевич**, ведущий научный сотрудник Центра Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России; **ЕФРЕМОВА Ксения Александровна**, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **КАШИН Василий Борисович**, старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН; **КИРЯЕВА Анна Андреевна**, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **КОЛДУНОВА Екатерина Валерьевна**, ведущий эксперт Центра АСЕАН, заместитель декана Факультета международных отношений, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России; **ЛОМАНОВ Александр Владимирович**, главный научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН; **ЛУКОНИН Сергей Александрович**, заведующий сектором экономики и политики Китая Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН; **НАЗЕМЦЕВА Елена Николаевна**, научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба ВС РФ; **ОСТРОВСКИЙ Андрей Владимирович**, заместитель директора, руководитель Центра социально-экономических исследований Китая ИДВ РАН; **РУМЯНЦЕВ Евгений Николаевич**, старший научный сотрудник РИСИ; **ФЕДОРОВСКИЙ Александр Николаевич**, заведующий Сектором общих проблем Азиатско-Тихоокеанского региона, ведущий научный

сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН; **ЮДИНА Тамара Николаевна**, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории философии хозяйства Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

**А.Д. Воскресенский.** Продолжим обсуждение. Повторю основные вопросы. Прошу сконцентрироваться в основном на второй части нашего рабочего вопросника, однако если остается что-либо «недообсужденное» по первой части можно вернуться к этим до конца проясненным моментам. *Наш главный вопрос для обсуждения: Перспективы китайских реформ в изменившемся мире – сможет ли Китай продолжать успешные преобразования в условиях соперничества с США? Также мы обсуждаем следующие проблемы:*

1. В 2018 году китайско-американские отношения перешли от сотрудничества, которое длилось свыше четырех десятилетий, к соперничеству. Означает ли это, что внешний контекст проведения реформ изменился радикальным и необратимым образом?

2. Одна из претензий американской стороны сводится к тому, что Китай не оправдал ожиданий и не пошел по пути либерализации по мере углубления реформ. Как оценивать эту проблему? Ожидания Запада были необоснованными изначально? Либо в процессе реформ произошел существенный поворот, который привел к отклонению от ожидаемой цели?

3. В 2017 году Си Цзиньпин заявил, что Китай завершил этап «обогащения» и начинает этап «усиления». Можно ли на этом основании говорить о том, что реформаторская экономическая политика Дэн Сяопина уже стала частью истории?

4. Сходный вопрос можно задать в сфере внешней политики. В 1992 году Дэн Сяопин сформулировал «политику сокрытия возможностей», которая была пересмотрена при Си Цзиньпине в пользу «политики активных действий». В 2018 году в ходе неформальных дискуссий в китайском интернете звучали упреки в адрес властей, якобы спровоцировавших этим шагом США

на ужесточение политики на китайском направлении. Насколько обоснованы эти суждения? Будет ли Китай пытаться вернуться к «сокращению возможностей»? Принесет ли это ослабление напряженности?

5. Торговая война замедляет темпы роста экономики КНР. Достаточно ли у Вашингтона торговых рычагов, чтобы вынудить Китай к «капитуляции» на американских условиях? Как повлияет гипотетическое принятие полного набора американских требований на перспективы экономических реформ в Китае?

6. Торможение экономики под давлением извне подталкивает китайские власти к поиску дополнительных рычагов стимулирования роста. Каких шагов следует ожидать? Следует ли опасаться их негативного влияния на экономическое развитие Китая в отдаленном будущем?

7. Китайские реформы нацелены на обретение мирового лидерства в науке и технике. Достижение этой цели повлияет на мировой статус Китая, и руководство страны понимает это. Чего ждать в условиях конфронтации с США? Эта цель не будет достигнута никогда, она будет осуществлена с опозданием, либо за счет напряжения ресурсов выполнена досрочно?

8. Куда будет толкать Китай рост напряженности с Западом — в направлении расширения открытости и либерализации экономики, либо в сторону увеличения автаркии в духе «опоры на собственные силы»? В какой мере и в каком виде эти два направления могут сочетаться друг с другом?

9. Тема политических реформ в Китае ушла на задний план. Как долго может продолжаться подобная «заморозка»? Какие факторы могут побудить китайское руководство к проведению политических реформ?

10. Китай заявляет об «уверенности в пути, теории и строе» социализма с китайской спецификой. Закончился ли период идейной открытости Китая внешнему миру? Какие идеи и концепции влияют на китайские реформы в наши дни — западные, марксистские, какие-то иные?

11. Есть ли основания говорить о появлении в ходе продвижения китайских реформ общезначимой «китайской модели», которая

может быть предложена в качестве альтернативы западной модели другим странам? Может ли Россия на нынешнем этапе заимствовать какие-либо компоненты «китайской модели»? Как следует реагировать на попытки заимствования «китайской модели» странами постсоветского пространства?

12. Существует ли вероятность того, что вокруг Китая будет формироваться новый экономический «полюс» современного мира? Какие выгоды и какие проблемы ждут тех, кто будет пытаться к нему присоединиться?

**О.Н. Борох.** Китайское руководство стремится подчеркнуть преимущество в проведении реформ. Об этом свидетельствует выступление Си Цзиньпина на собрании, посвященном 40-летию политики реформ и открытости 18 декабря 2018 г. В его трактовке продвижение реформ и открытости стало третьим по значимости событием в истории Китая со времени «Движения 4 мая 1919 г.» после создания КПК и образования КНР. Китайский лидер отметил, что именно Дэн Сяопин осуществил перенос центра тяжести в работе на экономическое строительство, принял решение о проведении реформ и открытой политики.

Си Цзиньпин перечислил достижения, обретенные благодаря проведению реформ: в течение минувших четырех десятилетий среднегодовые темпы роста китайской экономики составили 9,5%, Китай стал второй экономикой мира. Народное благосостояние заметно выросло, карточки на снабжение продовольственными и потребительскими товарами ушли в историю.

О возможности коррекции проводимой политики Си Цзиньпин сказал: «Критерием того, что нужно реформировать и как нужно реформировать, должно стать соответствие общей цели совершенствования и развития строя социализма с китайской спецификой, продвижения модернизации системы государственного управления и способности к управлению. Мы будем решительно реформировать то, что должно быть изменено, и решительно не реформировать того, что не должно быть изменено».

Можно предположить, что к сфере «неизменного» относятся не только базовые постулаты о следовании по пути социализ-

ма с китайской спецификой и продолжении политики реформ и открытости, но и тезис о необходимости укрепления партийного руководства экономическим развитием. Китайский лидер призвал соединить усиление руководства со стороны партии с инновационным духом народа, нацеленный на эксперимент «переход через реку по камням» с «проектированием сверху».

В речи по поводу юбилея реформ Си Цзиньпин вновь озвучил основополагающий лозунг наших дней: «Партии, административные органы, армия, гражданские организации и система образования; восток, запад, юг, север и центр – всем этим руководит КПК». Он подчеркнул, что именно благодаря руководству партии удалось осуществить исторический поворот к реформам и открытости, начать новый поход к великому возрождению китайской нации, преодолеть серьезные риски и вызовы, приспособиться к меняющейся ситуации, ослабить воздействие мирового экономического кризиса. Благодаря партии Китай избежал как движения по старому пути закрытости и окостенелости, так и «порочного пути смены знамени».

На нынешнем этапе китайских реформ все более заметным становится слияние официальной идеологии и экономической политики. В конце 2017 г. на совещании ЦК КПК по экономической работе впервые в обобщенном виде были представлены «экономические идеи Си Цзиньпина социализма с китайской спецификой новой эпохи», которые на первое место ставят усиление централизованного единого руководства экономической работой со стороны партии.

Китайские власти провозглашают, что в центре новой концепции развития находится народ, указывают на необходимость приспособиться к состоянию «новой нормальности» китайской экономики, утратившей прежнюю динамику и потому требующую иных источников роста. Следует особо подчеркнуть, что усиление партийного руководства не тождественно отказу от рыночных преобразований. Обновленная нормативная идеология реформ содержит тезисы о решающей роли рынка в размещении ресурсов, о необходимости поиска нового баланса меж-

ду ролью рынка и ролью правительства. На 19 съезде КПК было заявлено об изменении основного противоречия развития Китая. Отныне это противоречие «между растущей потребностью народа в хорошей жизни и неравномерным неполным развитием», а не между растущими потребностями людей и отсталым производством, как это было на предыдущем этапе китайских реформ. Китайские экономисты отмечают, что теперь главной стороной противоречия стало предложение, структура которого не соответствует изменившейся структуре спроса.

После завершения работы сессии ВСНП в марте 2018 г. был обнародован «План углубления реформы партийных и правительственных органов», нацеленный на укрепление руководства со стороны КПК и усиление централизации власти. Четыре руководящие группы ЦК КПК (по всестороннему углублению реформ, по интернет-безопасности и информатизации, по экономике и финансам, по внешним делам) были преобразованы в комиссии ЦК КПК. В Китае поясняют, что статус этих органов стал более высоким, поскольку руководящая группа является выполняющей координационные функции «временной структурой», тогда как комиссия – это постоянный орган, созданный для выполнения установленных задач. Принцип партийного руководства всеми сферами реформ получил конкретное организационное воплощение.

Преобразований сопоставимого масштаба в организации системы китайской власти не было два десятилетия. Реформа правительства 1998 г. под эгидой премьера Чжу Жунцзи была расценена как шаг в направлении упрощения бюрократической структуры. На этот раз изменения очевидным образом нацелены на укрепление контроля над экономикой со стороны КПК. Распространенная в прежние годы трактовка китайских реформ как поступательного движения от централизации к либерализации более не способна служить основой для описания происходящих в Китае процессов и их прогнозирования. Внутри Китая создание обновленной системы централизованного партийного руководства не воспринимают как потенциальное препятствие на пути

реформ. Напротив, в осуществлении этих шагов ныне видят возможность продвижения к созданию современной экономической системы и обретению более высокого качества экономического роста.

Общий вектор перемен указывает на усиление роли партии и сокращение влияния государственных структур. Постепенное перемещение рычагов управления экономикой от правительства к КПК началось вскоре после прихода к власти Си Цзиньпина. Наиболее заметным стало принятое в конце 2013 г. решение создать руководящую группу ЦК по всестороннему углублению реформ во главе с генеральным секретарем. В период проведения в Китае политики преобразований влияние партийного руководителя на экономическую политику никогда еще не было столь значительным. Создаваемые институты нацелены на усиление власти КПК, они способны служить эффективным инструментом для решения текущих экономических задач. Вместе с тем они весьма заметно отличаются от соответствующих институтов развитых стран с рыночными экономиками, что в перспективе способно затруднить полномасштабную интеграцию Китая в глобальную экономику.

Укрепление партийного руководства сопровождалось выдвижением в марте 2018 г. на ответственные посты грамотных экономистов с солидными теоретическими познаниями, обучавшимися или стажировавшимся за рубежом. На Западе их нередко называют «технократами». Это вице-премьер Лю Хэ и глава Народного банка Китая И Ган, получивший докторскую степень в Университете Иллинойса. Новый комитет по регулированию банковской деятельности и страхования при Госсовете КНР, созданный в результате слияния двух отдельных комитетов, а также руководящую группу ЦК по реформе банковской деятельности и страхования возглавил Го Шуцин, он также является заместителем главы Народного банка. Следует отметить, что в Народном банке Китая произошло разделение руководящих должностей, глава организации И Ган, в отличие от предшественника, более не является партийным секретарем — этот пост занимает Го Шуцин.

Китайские эксперты обосновывают централизацию разработки экономической

политики необходимостью подготовки к предотвращению возникновения крупных рисков. Их предполагаемыми источниками являются протекционистские меры западных стран во главе с США, рост уязвимости китайского финансового сектора для рисков, возникающих за пределами страны, накопление внутреннего долга. Помимо этого, осуществление стратегии «пояса и пути» превращает Китай в крупного инвестора, интересы которого могут пострадать от нестабильности в мире и происходящих за рубежом геополитических перемен.

Концентрация полномочий по разработке экономической политики в руках правящей партии сопровождается активизацией усилий по созданию новой стратегии реформ, которая даст возможность продолжить развитие в условиях сохранения стабильности. Эта стратегия уже обрела относительно устойчивое содержание, она тесно связана с именем нынешнего китайского лидера. Возможное продление срока пребывания у власти Си Цзиньпина до конца 2020-х годов способно стать фактором устойчивости и предсказуемости курса экономических реформ.

**А.Н. Федоровский.** Оценка вероятности и содержания сценария возможной корректировки экономической политики в Китае остается сложной задачей. Вектор стратегии развития будет складываться под воздействием важнейших внутренних приоритетов и давления внешнего фактора (прежде всего, взаимоотношений с США). Внутри страны в ближайшей перспективе сильное влияние будут оказывать последствия стратегии на доминирование государства в рыночной экономике. Сложившийся курс отвечает интересам широкого слоя элиты в центре и в провинциях, вовлеченного в распределение бюджетных средств и связанного с деятельностью госкорпораций. В то же время внешние вызовы требуют от Китая структурной перестройки экономики в пользу инновационных отраслей, которые должны определять перспективу развития страны. Поставленная задача создает спрос на внутреннюю конкуренцию, которая предполагает правовое и экономическое равенство институтов, вовлеченных в рыночные процессы.

На данный момент оценки возможных действий китайской стороны в значительной степени определяются приоритетами, озвученными китайскими лидерами и подкрепленными соответствующими реальными действиями. В первую очередь, стоит обратить внимание на цикл выступлений руководителей КНР в ноябре 2018 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в связи с проведением внешнеторговой выставки импортных товаров в Шанхае говорит о главных приоритетах: приверженности идеям глобализации, обеспечения свободы торговли и необходимости импорта для развития КНР и укрепления связей с партнерами.

Практически одновременно заместитель председателя КНР Ван Цишань обращается к руководителям крупнейших ТНК на проходившем в Сингапуре «Новом экономическом форуме» со сходными тезисами и подчеркивает готовность Пекина к конструктивным переговорам с Вашингтоном.

В свою очередь премьер Госсовета КНР Ли Кэцян, выступая в том же месяце на заседании Сингапурского делового совета, заявляет: «несмотря на оказываемое давление, мы сделаем корректировку по мере необходимости: оживить рынок, субъекты рынка. У нас есть возможности сделать это»<sup>1</sup>.

На этом фоне складывается следующее представление о приоритетах действий Китая. Во-первых, продолжение курса на участие Китая в процессах экономической глобализации; во-вторых, внесение корректив во внешнеторговую политику, подразумевающую расширение импорта, а значит усиление фактора конкуренции во внутренней экономике. В-третьих, новый этап экономических реформ, с учетом расширения влияния рыночных механизмов. Объективно в этих условиях на повестке дня стоит вопрос, как минимум, о ликвидации тепличных условий функционирования государственных компаний.

Рост профицита в торговле КНР с США в 2018 г. на 17% до рекордных 323 млрд долл. отражает сложившуюся за последние сорок лет между двумя странами систему торго-

экономических обменов<sup>2</sup>. На повестке дня стоит вопрос о преодолении преобладающих тенденций. Однако противодействовать инерционности масштабных внутренних и связанных с ними внешних процессов будет весьма сложной задачей для коммерческих и государственных институтов двух стран. Для Китая в особенности, поскольку требует учета и адаптации интересов основных влиятельных бюрократических и коммерческих групп к новым условиям развития, поставит в повестку дня задачу кардинального совершенствования банковско-кредитной системы, а также подъема уровня трудовых ресурсов, наконец, выявит готовность страны увязать потребность в реформах экономического и правового характера с доминирующими идеологическими установками.

Таким образом, главный вызов для Китая состоит в том, чтобы найти ответ на вопрос, как избежать дисбаланса внутренних и внешних аспектов развития?

**В.Б. Кашин.** Начавшаяся весной 2018 года американо-китайская торговая война – составная часть углубляющегося системного конфликта между КНР и США. Конфликт лишь в малой степени связан с личностью действующего президента США Д. Трампа. Нарастающие противоречия в отношениях отмечались в течение длительного времени до его прихода к власти. Предпосылки для относительно быстрого ухудшения американо-китайских отношений наблюдались в течение всего второго срока администрации президента США Барака Обамы.

Среди предпосылок для углубления противоречий можно отметить политику руководства США по «повороту в Азию» (*Pivot to Asia*), объявленную президентом Б. Обамой в выступлении в австралийском парламенте, в ноябре 2011 года, в которой отмечалось, что «после десятилетия двух войн, которые дорого нам обошлись, и в деньгах, и в человеческих жизнях, США обращают свое внимание на обширный потенциал Азиатско-Тихоокеанского региона»<sup>3</sup>. Фак-

<sup>1</sup> Reforms, not Stimulus, Vital for Growth // *The Korea Times*, 15.11.2018. P. 7.

<sup>2</sup> Никольский А. Китай пугает мир // *Ведомости*, 15.01.2019. С. 4.

<sup>3</sup> Remarks by President Obama to Australian Parliament. Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press->

тически, в этом выступлении объявлялось о завершении десятилетней «стратегической передышки», которую получил Китай после событий 11 сентября 2001 года, когда внимание США было поглощено войной с международным терроризмом и ближневосточной политикой. США приступили к реализации давно запланированных мер по укреплению региональных союзов и военного присутствия в Азии.

Меры администрации Обамы широко оцениваются в США как неудачные. Сосредоточения ресурсов в Азии не получилось в силу комплекса причин, в том числе и потому, что войны, которые Б. Обама в начале реализации стратегии «поворота» считал завершёнными, вспыхнули с новой силой и к ним добавилось затратное в военно-политическом отношении противостояние с Россией по итогам событий на Украине 2014 года.

Единственный крупный и важный успех политики США в тот период – подписание соглашения от Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), пал жертвой американской внутренней политики. В период избирательной кампании в США 2016 года соглашение о ТТП критиковал не только Д. Трамп, но и кандидат от демократов Х. Клинтон. Протекционистский поворот в американской политике, как это признается теперь, затронул обе ведущие политические партии и доминирует в американской политической дискуссии. Тем самым предопределялся инструментарий грядущего столкновения с Китаем. От прежней стратегии мягкого сдерживания КНР при помощи создания новых международных торговых альянсов, трансформации институтов, перенаправления товарных потоков США должны были теперь перейти к более примитивному и грубому инструментарию в виде введения новых тарифных барьеров и силового давления.

С другой стороны, происходила постепенная активизация и рост наступательности китайской политики. Между 2013 и 2016 годами КНР реализовала в Южно-Китайском море масштабные проекты по созданию искусственных островов вокруг контролируемых ею образований в спорных

office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament

водах архипелага Спратли. В последующем на этих искусственных островах были возведены объекты военной инфраструктуры, что серьезным образом изменило военную расстановку сил в стратегически важном районе мирового океана, через который проходит до трети от общего объема мировой торговли, осуществляемой по морю<sup>4</sup>.

Китайские действия в Южно-Китайском море продемонстрировали бессилие США и слабость АСЕАН. США не смогли помешать китайскому проекту, ограничившись демонстративными отправками кораблей для «патрулирования с целью обеспечения свободы судоходства». АСЕАН не смог выдвинуть единой позиции по этому вопросу ввиду серьезнейшего влияния КНР на некоторых членах организации, в частности Лаос и Камбоджу. Укрепление китайского влияния на Таиланд после военного переворота в этой стране в 2014 году и переход Филиппин к многовекторной политике после избрания президентом этой страны Р. Дутерте в 2016 году привели к дополнительной эрозии американского влияния в регионе.

Другим фактором, предопределившим возникновение и облик конфликта был ускорившийся после 2012-2013 года рост китайского военного и, в особенности, технологического потенциала. Отношение к китайским программам в сфере ряда прорывных технологий (например, искусственный интеллект и робототехника, квантовые технологии) стало меняться в последние годы, когда как наукометрические показатели (число публикаций в международных журналах), так и данные о реализуемых проектах стали говорить о возможном выходе Китая на передовые или даже лидирующие позиции<sup>5</sup>.

Американцы склонны видеть среди важнейших факторов, предопределяющих быстрое развитие технологий в Китае спо-

<sup>4</sup> How Much Trade Transits the South China Sea? Mode of access: <https://chinapower.csis.org/much-trade-transits-south-china-sea/>

<sup>5</sup> См. например, Horowitz, Michael; Kania, Elsa B.; Allen, Gregory C.; Scharre, Paul. Strategic Competition in the Era of Artificial Intelligence / Center for New American Security, 2018. Mode of access: <https://www.cnas.org/publications/reports/strategic-competition-in-an-era-of-artificial-intelligence>

способность китайцев совмещать преимущества собственной политической системы (стабильность, способность концентрировать огромные ресурсы на прорывных направлениях) и блага глобализации. Предполагается, что Китай выигрывает благодаря «нечестной конкуренции», используя для выхода на лидирующие позиции по перспективным направлениям такие методы, как кража интеллектуальной собственности, принуждение иностранных компаний в Китае к передаче технологий, субсидирование отдельных отраслей, скупку иностранных технологических активов китайскими компаниями на госденьги.

Перспективные планы ускоренного развития, реализация которых началась в КНР начиная с 2015 года (например, программы «Сделано в Китае-2025», План развития искусственного интеллекта 2017 г. и др.) способствовали усилению обеспокоенности США. Китай открыто заявлял о намерении добиться перераспределения долей мирового рынка и достижения прорывных результатов в относительно короткие сроки (например, по искусственному интеллекту – до 2030 г.)

На этом фоне у США возникала потребность в быстрых и энергичных действиях по исправлению изменившегося баланса сил. Понимание уровня китайской угрозы экономическим и политическим позициям США в мире разделяется американской элитой в целом, а точка зрения о необходимости предпринять более активные, чем ранее действия является общепринятой. Но многие тактические аспекты разворачивающегося противоборства связаны с особенностями администрации Д. Трампа, относительно слабо связанного и мало зависящего от наиболее тесно связанных с глобальным бизнесом и Китаем сегментов американской элиты. К таким глобализированным секторам можно, в частности, отнести информационно-коммуникационные технологии, медиа-бизнес, производство многих видов потребительской продукции.

Традиционная китайская модель работы с американской элитой – через работающие в КНР американские компании в таком случае теряет свою эффективность. Адми-

нистрация Трампа, как следствие, обладала уникальными возможностями для быстрой эскалации конфликта с КНР. Однако до начала эскалации пришлось ждать целый год в виду начавшегося в 2017 году крайне острого и опасного кризиса в отношениях между США и КНДР. Китай является ключевым игроком в разрешении северокорейской ядерной проблемы и единственной страной, обладающей реальными инструментами экономического давления на Северную Корею. Нуждаясь в китайском содействии, Вашингтон был готов ждать. Торговая война развернулась в условиях стабилизации отношений между КНДР с одной стороны и Южной Кореей и США с другой и обострилась после Сингапурского саммита в июне 2018 года, когда угроза военной эскалации была на снята на обозримую перспективу.

Второстепенность проблемы торгового дисбаланса на данный момент признается серьезными наблюдателями за китайско-американским конфликтом с обеих сторон<sup>6</sup>. Отрицательное сальдо внешней торговли естественно для США как для эмитента глобальной резервной валюты и лишь используется администрацией для политической мобилизации американского общества вокруг идеи экономической войны с Китаем. Целью войны является лишить КНР источников ресурсов для реализуемой Пекином программы форсированной технологической модернизации и одновременно резко ограничить доступ Китая к современным западным технологиям.

Проблемой для США является то, что ключевые союзники и промышленные партнеры Вашингтона в Европе и Азии, включая Японию и Южную Корею, не готовы идти на серьезное ограничение своего экономического взаимодействия с КНР ради поддержки политики сдерживания. Изоляция Китая остается отдаленной и труднодостижимой целью.

Тактика Пекина заключается в том, чтобы переждать наиболее опасный период на-

<sup>6</sup> Например, The US-China Dispute Is not about the Trade Deficit, Barclays says. Mode of access: <https://www.cnbc.com/2018/10/09/us-china-trade-war-is-not-about-the-trade-deficit-barclays-says.html>

хождения у власти в США администрации Дональда Трампа ценой заключения «перемирия» в торговой войне, которое будет содержать в себе существенные уступки в сфере баланса двусторонней торговли товарами, но при этом минимум обязательств по китайским структурным реформам.

На фоне торговой войны отрицательное для США сальдо торговли с Китаем продолжало расти. Пекин, судя по всему, смог нанести более ощутимый удар по американскому экспорту в КНР, чем Вашингтон — по китайскому. В результате дисбаланс в торговле увеличился на 17% до 323 млрд долларов в пользу Китая<sup>7</sup>.

Китай мог бы относительно быстро и с минимальными издержками для себя сократить свою положительное сальдо в торговле с США за счет увеличения закупок американской сырьевой продукции, торгуемой на бирже (соя, пшеница, энергетическое сырье и т.п.), а также промышленных продуктов, аналоги которых не производятся в КНР (гражданские самолеты). Структурные уступки США в ходе торговых переговоров касались бы реформ, которые в любом случае назрели бы в китайской экономике в ближайшие годы. К таковым относится, в частности, укрепление защиты интеллектуальной собственности, так как китайские компании сами превращаются в ряде областей в крупных обладателей и создателей такой собственности.

Такой компромисс не отвечает целям США в торговой войне и едва ли может рассматриваться как «американская победа» (хотя, несомненно, будет объявлен таковой Белым Домом). Однако, вполне вероятно, что США придется пойти на него на фоне затяжного внутривнутриполитического кризиса и проявившихся в конце 2018 года признаков возможного начала циклического спада в экономике (новой рецессии и падения фондового рынка). Учитывая продолжающееся замедление китайской экономики, продолжение торговой войны прежними радикальными методами становится опасным для обеих сторон.

Вероятное заключение в 2019 году перемирия не будет означать стабилизации американо-китайских отношений. Противостояние продолжится с нарастающим ожесточением в военно-политической сфере, в области идеологии и пропаганды и в экономической сфере. Экономическое противостояние перейдет в плоскость блокирования различными методами китайских попыток приобретения стратегически важных активов за рубежом и давления на китайских технологических гигантов (*Huawei*, *ZTE* и др.) при помощи адресных санкций и судебных дел.

**А.В. Воронцов.** Имеются все основания согласиться с оценкой, что в 2018 г. китайско-американские отношения перешли от длившегося около 40 лет сотрудничества к соперничеству и противоборству. Набирающая обороты беспрецедентная по масштабам торговая война, начатая администрацией Д. Трампа против Пекина — одно из серьезных тому подтверждений. При этом представляется важным подчеркнуть следующее. На наш взгляд, указанное качественное изменение двусторонних отношений было подготовлено закономерностями предшествующего периода развития и стало логичным, даже неизбежным результатом изменения соотношения мощи и степени влияния двух сверхдержав в современном мире.

Как известно, в политическом истеблишменте и китаеведении США особенно в последние десятилетия постоянно противоборствовали два основных подхода в отношении кардинального вопроса, каким образом воспринимать «мирное возвышение Китая»: как возможность или как угрозу своим национальным интересам. Факторов, влияющих на оценки американских политологов в рамках отмеченной дилеммы, всегда было много. Среди главных из них можно выделить следующие: завышенные ожидания «романтиков», полагающих, что в результате политики вовлечения и широкого многостороннего сотрудничества Китай в конечном итоге пойдет по пути западной модели либерализации, распространяя практику глубоких реформ с экономической сферы на политическую, что должно было бы привести к ослаблению позиций КПК, возникновению многопартийности и т.д. Сторон-

<sup>7</sup> Mode of access: <https://www.cnb.com/2019/01/14/china-2018-full-year-december-trade-exports-imports-trade-balance.html>

ники данного подхода, возможно, искренне выдавая желаемое за действительное, старались формулировать интересные с научной точки зрения теории, обосновывающие курс на широкое сотрудничество с Китаем в надежде удержать его в лоне собственного влияния на стратегическую перспективу. Концепция «ответственного держателя акций (responsible stakeholder)» в глобальном мире рыночной экономики — одна из них. Акценты в рамках данной дискуссии менялись и в зависимости от того, какая партия побеждала на президентских выборах в США, и, соответственно, приоритеты каких бизнес кругов, поддерживающих победителей, становились ведущими на конкретном историческом отрезке времени. Как правило, группы экономической элиты, стоявшие за демократической партией, были глубже вовлечены в широкое хозяйственное, инвестиционное сотрудничество с Китаем и заинтересованы в его дальнейшем прогрессе.

При этом, по нашему убеждению, руководство КНР, используя различные тактические схемы и способы, на всех этапах своего развития исходило из решения национальной сверхзадачи — восстановления Китая в качестве могучей, самобытной державы и самостоятельного центра мира, не допускающих какой-либо зависимости от внешних сил. Поэтому столкновение глобальных интересов США и КНР как двух сверхдержав и перерастание сотрудничества в полномасштабную конкуренцию и соперничество было неизбежно, являясь лишь вопросом времени.

Открыто заявленный в 2017 г. переход КНР от этапа «обогащения» к этапу «усиления», «политика активных действий», оставив в прошлом сформулированную Дэн Сяопином «политику сокрытия возможностей», представляется как неизбежный, назревший выбор новой стратегической линии, соответствующей изменившимся реальному месту Китая в мире и международной обстановке.

Указанная трансформация стратегического курса не стала «волонтаристским» решением лидера КНР Си Цзиньпина, поторопившегося завершить длительный этап развития Китая в рамках сформулированной Дэн Сяопином стратегии «держаться в тени», сконцентрироваться на внутреннем

развитии и самоусилении, в чём его упрекали в ходе неформальных дискуссий в китайском интернете в 2018 г. Тактическая схема «не высываться из тени», выбранная Дэн Сяопином в течение длительного времени успешно работала в интересах Китая, но в конце концов исчерпала свой ресурс.

Переход Си Цзиньпина к «политике активных действий» представляется также до известной степени вынужденной мерой после прихода к руководству в США республиканской администрации Д. Трампа, отражающей интересы неоконсервативных сил, решительно настроенных на практически сдерживание Китая. Этот курс быстро нашёл отражение как в доктринальных документах республиканской администрации США, принятых на рубеже 2017-2018 гг., где КНР вместе с РФ была указана в списке главных угроз национальным интересам США в качестве ревизионистской державы, (но, к удивлению многих китайских деятелей Китай оказался на первом месте), так и в практических действиях в форме торговой войны и др.

Кризисные явления в американо-китайских отношениях, изменение в них соотношения компонентов сотрудничества и соперничества в пользу последних, последовательно нарастали в последние годы. И хотя представители администрации Д. Трампа в интересах внутривнутриполитической полемики упрекают предшествующего президента-демократа в близорукости и недооценке «китайской угрозы», это не вполне справедливо. В мире хорошо помнят, как Б. Обама многократно открыто заявлял, что главная цель создаваемого им в тот период «Транстихоокеанского партнёрства» заключалась в том, чтобы и будущем «правила мировой торговли писались в США, а не в Китае». В статье, опубликованной в газете «Вашингтон пост» 2 мая 2016: он с максимальной откровенностью указывал: «...Америка должна писать правила. Америка должна командовать. Другие страны должны играть по правилам, определенным Америкой и нашими партнерами, а не наоборот. ... Изменился мир. Правила меняются вместе с ней. США, а не страны вроде Китая, должны писать их»<sup>8</sup>.

<sup>8</sup> President Obama: The TPP Would Let America, not China, Lead the way on Global Trade,

Тем не менее ведущие интеллектуальные центры правоконсервативных кругов в США, на которые опирается администрация Д. Трампа, представляют именно нынешнего президента в качестве единственного истинного борца за интересы США в рамках стратегического курса «Америка прежде всего». Китаисты «Американского предпринимательского института» заключают, что «предшествующие попытки утвердить влияние Америки против Китая, такие как отбракованное Транстихоокеанское партнёрство не смогли эффективно остановить китайскую экономическую агрессию»<sup>9</sup>, и требуют того, чтобы США всерьёз и надолго «возвели Китай в качестве главного приоритета международной экономической стратегии, работали последовательно вместе с союзниками против китайской преступной экономической деятельности в мире с целью умерить агрессивность Пекина»<sup>10</sup>.

Манифестом новой антикитайской стратегии можно считать выступление вице-президента США М. Пенса в одном из оплотов неоконсервативных сил, Гудзоновском Институте 4-го октября 2018 г., в котором он обвинил Пекин в массе грехов, в том числе, в неизмеримо больших по сравнению с Россией попытках вмешиваться во внутреннюю политику и президентские выборы в США. Второе должностное лицо Вашингтона договорилось до того, что по сути отнесло 430 000 китайцев, обучающихся в США, и 150 ассоциаций китайских студентов и учёных в разряд «скрытых акторов», мобилизованных Пекином с целью повлиять в нужном ему направлении на американское

May 2, 2016. Mode of access: [https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpa-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d\\_story.html](https://www.washingtonpost.com/opinions/president-obama-the-tpa-would-let-america-not-china-lead-the-way-on-global-trade/2016/05/02/680540e4-0fd0-11e6-93ae-50921721165d_story.html)

<sup>9</sup> Scissors, Derek; Blumenthal, Daniel; Enough with the Endless Talks and Handshakes. We Need to Untie the American Economy from China, January 14, 2019. Mode of access: [https://www.nytimes.com/2019/01/14/opinion/us-china-trade.html?mkt\\_tok=eyJpIjoiWTJReU1XVmxNVF14TW1ZMyIsInQiOiJkTHVaU3dpSnIqU0gxcFBcL245OXBWWWM1OTdkTGtRYmpUalZWOE9xRCiBY09ERIF5RzRyV25HZlU5Sm90akdtQXhmdUJMd](https://www.nytimes.com/2019/01/14/opinion/us-china-trade.html?mkt_tok=eyJpIjoiWTJReU1XVmxNVF14TW1ZMyIsInQiOiJkTHVaU3dpSnIqU0gxcFBcL245OXBWWWM1OTdkTGtRYmpUalZWOE9xRCiBY09ERIF5RzRyV25HZlU5Sm90akdtQXhmdUJMd)

<sup>10</sup> Ibid.

восприятие китайской политики<sup>11</sup>. Этот курс затем развивал и советник президента США по национальной безопасности Дж. Болтон, презентуя в Фонде наследия новую стратегию Вашингтона в Африке 13 декабря 2018 г. Он утверждал, что Китай, который и на Африканском континенте является главным соперником США, «использует взятки, непрозрачные соглашения, стратегию использования задолженности для удержания африканских государств в плену требований Пекина...»<sup>12</sup>, а также, что «подобные хищнические действия являются субкомпонентами более широких китайских стратегических инициатив, включая «Один пояс, один путь» – планов, нацеленных на продвижение глобального китайского доминирования»<sup>13</sup>.

Особое раздражение Дж. Болтона вызвал факт, что в 2017 г. Китай основал свою первую в Африке военную базу в Джибути «всего в нескольких милях от нашей базы США лагерь Лемоньер»<sup>14</sup>. Тот факт, что в начале президентства Б. Обамы США располагали в Африке всего 3 военными базами, а в момент его ухода с поста президента, уже более чем 30-ю подобными объектами, естественно остался за пределами внимания Дж. Болтона<sup>15</sup>. А ведь именно резкое наращивание военного присутствия США на данном континенте и стало ответом Вашингтона на экономическое проникновение сюда китайского бизнеса.

<sup>11</sup> Remarks by Vice President Pence on the Administration's Policy Toward China, October 4, 2018. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-administrations-policy-toward-china/>

<sup>12</sup> Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the the Trump Administration's New Africa Strategy., December 13, 2018. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy/>

<sup>13</sup> Ibid.

<sup>14</sup> Ibid.

<sup>15</sup> Turse, Nick. U.S. Military Says It Has a “Light Footprint” in Africa. These Documents Show a Vast Network of Bases, December 1, 2018. Mode of access: <https://theintercept.com/2018/12/01/us-military-says-it-has-a-light-footprint-in-africa-these-documents-show-a-vast-network-of-bases/>

Таким образом, вопрос, кто кому первым «бросил перчатку», является риторическим и не столь принципиальным. Очевидно, что в США к власти пришли силы, убедившиеся в том, что Китай выиграл больше, чем сама Америка, от инициированного ею же курса на глобализацию мировой экономики, политики предшествующих руководителей Белого дома по вовлечению Китая в контролируруемую Вашингтоном мировую рыночную систему и т.д. Сейчас эти силы решительно настроены на то, чтобы вновь кардинально переписать правила игры с целью сдержать дальнейшее усиление Пекина на мировой арене. Руководство КНР приняло этот вызов, в том числе, в форме упорного и полномасштабного сопротивления на фронте торговой войны, развязанной администрацией Д. Трампа, что, естественно, не исключает проявления гибкости и стремления к поиску компромиссов с китайской стороны.

Новая стратегия Китая «активных действий» нашла отражение и на других направлениях китайской политики. К ним, в том числе, относится курс Китая в отношении Корейского полуострова.

Как известно, в конце деятельности администрации Б. Обамы и в первые месяцы после прихода в Белый дом Д. Трампа Вашингтону наконец удалось сформировать монолитный фронт против Северной Кореи, возглавить эффективную кампанию оказания максимального давления на последнюю с целью заставить её отказаться от ракетно-ядерного оружия. Такое достижение американской дипломатии как в рамках обеспечения единства действий членов СБ ООН, так и в реализации собственных односторонних санкций, было бы невысказимо без активного и добросовестного участия в ней Китая, единственного государства, обладающего возможностями оказать на Пхеньян серьёзное болезненное давление в экономической сфере, прежде всего, посредством закрытия своей 1300 км границы с КНДР.

Причин, почему КНР в 2016-2017 гг. решила «перекрыть кислород» своему северокорейскому союзнику, достаточно много. Тут проявилось и крайнее раздражение Пекина упорной и опасной политикой Пхеньяна по безоглядному наращиванию ракетно-

ядерного потенциала, представляющего угрозу и самому Китаю, существенно осложняющему его положение в регионе. Достаточно упомянуть в данном контексте, что под предлогом противодействия возрастающей угрозе со стороны Северной Кореи, США развернули в Южной Корее комплексы противоракетной обороны «ТНААД», де-факто направленные, прежде всего, против Китая и способные серьёзно ограничить его потенциал ответного ракетно-ядерного удара. В этой связи уместно вспомнить и личные сложные отношения между почти одновременно пришедшими к власти умудрённым опытом Си Цзиньпином и молодым Ким Чен Ыном, вылившиеся в беспрецедентно длительное (около 5 лет) и драматичное охлаждение традиционно дружественных китайско-северокорейских отношений.

Вместе с этим, безусловно, в феномене тесного сотрудничества Пекина с Вашингтоном на северокорейском направлении в рассматриваемые годы проявилось и стремление руководства КНР «пожертвовать пешкой ради ферзя», в духе традиционных китайских стратегем «бросить кирпич, чтобы получить нефрит» и т.д. Многие аналитики в тот период сошлись во мнении, что Пекин умело разыгрывал северокорейскую карту в стратегической игре с Вашингтоном и был готов её разменять в обмен на сохранение благоприятных условий торгово-экономического сотрудничества с США в условиях объективно нарастающих сложностей и противоречий в двусторонних отношениях. В течение определённого, не очень продолжительного, периода такая тактика срабатывала: и Б. Обама, и Д. Трамп в первые годы президентства неоднократно подчёркивали важную, незаменимую роль Пекина в формировании эффективного режима всестороннего давления на Пхеньян и не скупились на похвалы в адрес Пекина. Но вместе с этим, корейский сегмент при всей злободневности ядерной проблемы Северной Кореи, оставался периферийным звеном в глобальном спектре интересов и гигантском поле взаимодействия двух сверхдержав. Успешное сотрудничество Пекина с Вашингтоном по северокорейскому ядерному досье оказалось способным лишь временно притормозить, но не предотвра-

тить неизбежное нарастание противоречий по кардинальным проблемам основной повестки отношений двух гигантов. И как только прозвучали первые залпы торговой войны Д. Трампа против КНР в виде подписанного американским президентом в марте 2018 г. меморандума «О борьбе с экономической агрессией Китая», корейская политика Пекина стала стремительно трансформироваться. Как по мановению волшебной палочки почти враждебные китайско-северокорейские отношения (я в начале марта 2018 г. побывал в Пхеньяне, где мне рассказывали, что сотрудники посольства КНР в КНДР в тот период уже предпочитали без прямой необходимости не покидать территорию своего дипломатического представительства) мгновенно преобразовались в новый медовый месяц.

Уже 25-28 марта 2018 г. Ким Чен Ын неожиданно совершил свой первый визит за рубеж, конечно, в Китай, а за прошедшие после этого 10 месяцев состоялось четыре (!) встречи в верхах между Си Цзиньпином и Ким Чен Ыном, включая очередной визит последнего в Пекин 7-10 января 2019 г. Феноменальный результат, подтверждающий чрезвычайно высокий уровень тесного взаимодействия и плотности графика консультаций по широкому спектру проблем, возможно, не имеющий аналогов в практике современных международных отношений. Визиты по своей интенсивности превзошли даже беспрецедентный темп межкорейского сближения в указанный период (три саммита).

Да, де-юре Пекин продолжает соблюдать международные санкции против КНДР, но китайско-северокорейская граница перестала быть непроницаемой, масштабная гуманитарная поддержка со стороны КНР быстро и ощутимо сделала для северокорейцев «жизнь веселее». И американские стратеги теперь с сокрушением констатируют, что времена эффективной кампании максимального давления на КНДР ушли в прошлое<sup>16</sup>. Результаты стремительного роста взаимопонимания на высшем уровне между КНДР и КНР налицо.

<sup>16</sup> Griffiths, James and Yong Xiong. China Hosts Surprise Visit by Kim Jong Un amid US Tensions // CNN, January 9, 2019. Mode of access: <https://edition.cnn.com/2019/01/07/china/kim-jong-un-visit-china-intl/index.html>

Одним из примеров может служить традиционное программное новогоднее обращение Ким Чен Ына к нации 1 января 2019 г.<sup>17</sup>. В части инициатив, адресованных к США и РК, северокорейский лидер умерил свои требования, ограничившись лишь двумя: не проводить в 2019 г. совместные крупномасштабные военные манёвры и не завозить на территорию Южной Кореи дополнительные американские системы вооружений. Во втором пожелании, на наш взгляд, отчётливо слышна озабоченность Китая в связи с развёртыванием на юге Корейского полуострова систем ПРО США «ТНААД».

Одновременно с этим Пекин в позитивном ключе изменил политику и в отношении Южной Кореи, против которой он в последние годы де-факто ввёл болезненные национальные экономические санкции в ответ как раз на согласие предшествующей консервативной администрации Пак Кын Хе разместить в своей стране указанные системы ПРО. То есть, в течение, 2018 г. Пекин полностью нормализовал свои отношения с обоими корейскими государствами, во всём объёме восстановил своё масштабное присутствие на Корейском полуострове, подтвердил свой статус важнейшего, незаменимого игрока на корейском поле, преследующего, естественно, исключительно свои собственные национальные цели, во многом и всё более не совпадающие с интересами Вашингтона в районе Северо-Восточной Азии.

В итоге можно заключить, что события прошедшего 2018 г. подтвердили наличие серьёзных предпосылок формирования вокруг Китая нового экономического полюса, по меньшей мере, в регионе Восточной Азии и в условиях обостряющегося соперничества с США, в том числе, торговой войны с ними, воспринимаемой в Пекине в качестве длительной перспективы.

**А.В. Ломанов.** Зарубежные исследователи придают большое значение китайским внутривнутриполитическим изменениям, прежде всего отмене ограничения на занятие поста председателя КНР двумя сроками. В марте 2018 г. на сессии ВСНП был принят большой

<sup>17</sup> Новогодняя речь Председателя Государственного Совета КНДР товарища Ким Чен Ына // Нодон Синмун, 01.01.2019.

набор конституционных поправок. Они дали Си Цзиньпину возможность остаться во главе государства после 2023 г. и повысили его политический авторитет благодаря включению в основной закон упоминания о руководящей роли «идей Си Цзиньпина социализма с китайской спецификой новой эпохи».

Провозглашение на 19 съезде КПК в 2017 г. наступления «новой эпохи» китайского социализма подсказывает, что предыдущая эпоха завершилась. Означает ли это, что наступил «конец реформ» и политическая система Китая возвращается на полвека назад во времена Мао Цзэдуна? Ограничение в конституции 1982 г. давало хотя бы символическую гарантию того, что страна не вернется к пожизненному единоличному правлению.

В увидевших свет в 2018 г. публикациях западных политологов можно найти много мрачных пророчеств о грядущем превращении Китая в «диктатуру одного человека» и «полицейское государство», что приведет к утрате всех достижений периода реформ. Желая подчеркнуть контраст между прошлым и настоящим не в пользу нынешнего лидера, авторы подобных выступлений восхваляют Дэн Сяопина за его попытку создать в 1980-е годы механизмы противодействия возрождению порядков, существовавших при Мао Цзэдуна. Мало кто пытается вразумительным образом объяснить, почему в наши дни эти механизмы удалось так легко и без видимого противодействия демонтировать.

Наиболее распространенное объяснение сводится к тому, что китайская элита была парализована страхом перед антикоррупционной борьбой, которую развернул Си Цзиньпин. Принятие этой версии означает, что ни один политик не посмел возразить, поскольку в коррупции замешаны все. Однако в этом случае самые радикальные действия по реформированию насквозь прогнившей системы являются оправданными. Вторая, более правдоподобная версия предполагает, что внутри элиты был сформирован консенсус по поводу того, что Си Цзиньпин должен занять в системе власти более заметное место, чем его предшественник Ху Цзиньтао.

Внешний взгляд на развитие Китая при Ху Цзиньтао давал позитивную карти-

ну. Происходила децентрализация власти, Ху Цзиньтао не получил номинальный статус «ядра партийного руководства» и стал просто «первым среди равных». У власти находились примерно равные по силе группы – связанные с отошедшим от дел Цзян Цзэмином «шанхайцы» и близкие Ху Цзиньтао по работе в ЦК КСМК «комсомольцы». Они уравнивали друг друга, что исключало возможность появления единовластного вождя. Однако этот путь политической трансформации привел к существенному ослаблению эффективности в процессе принятия решений и их исполнения. Происходила фактическая «приватизация» властных полномочий различными группами интересов, что создало питательную почву для расширения масштабов коррупции.

Ослабление властного контроля было позитивным фактором в экономическом развитии Китая с начала 1990-х до второй половины 2000-х годов. После этого стало нарастать понимание того, что стране предстоит столкнуться с неизбежным замедлением темпов экономического роста. Сокращение размера ежегодного прироста экономического «пирога» вынуждало к проведению болезненных преобразований. Для их осуществления в условиях прежней модели власти требовалось заручиться согласием тех сил, интересы которых эти реформы должны были неизбежно задеть. Иными словами, старая версия системы стала заходить в тупик.

Известный в китайских интеллектуальных кругах идеолог неавторитаризма Сяо Гунцин называет Дэн Сяопина создателем «нового авторитаризма 1.0», основанного на незыблемости власти КПК и развитии рыночной экономики. По его мнению, проблемы возникли потому, что преемники оказались слабее «архитектора реформ». В 1989 г. Дэн Сяопин при передаче власти Цзян Цзэминю мог поделиться авторитетом и наделить его статусом «ядра руководства третьего поколения». В 2002 г. повторить этот опыт при переходе власти от Цзян Цзэмина к Ху Цзиньтао не удалось. Созданная Дэн Сяопином система не могла успешно функционировать в условиях ослабления партийной власти. По словам Сяо Гунцина, ныне Си Цзиньпин «ис-

пользует методы Мао Цзэдуна для того, чтобы делать дела Дэн Сяопина».

Таким образом, речь идет не о воссоздании диктатуры, а о восстановлении модели Дэн Сяопина в обновленной версии «нового авторитаризма 2.0». Эта трактовка принципиально отличается от суждений западных политологов, которые концентрируют внимание на укреплении личной власти Си Цзиньпина, но не на его усилиях по усилению партийной власти как института. Рецентрализация призвана скомпенсировать ослабление властной вертикали в прошлом десятилетии и укрепить «защитные оболочки» системы, дабы возможное расширение политического участия снизу не привело к ее краху по образцу событий второй половины 1980-х в Восточной Европе и СССР. Реидеологизация способствует восстановлению контроля над обществом, привыкшим жить в условиях рыночной экономики и открытости внешнему миру. Возвращение кампаний по идейному воспитанию чиновников и их участию в самокритике являются инструментами укрепления лояльности, но не по отношению к Си Цзиньпину, а к системе в целом.

Проверкой правильности версии строительства «нового авторитаризма 2.0» станут политические тенденции предстоящих четырех лет, которые отделяют нас от XX съезда КПК. Если Си Цзиньпин в 2022 г. представит сильного преемника, способного принять символический статус «ядра шестого поколения» руководства, это будет означать восстановление практики времен Дэн Сяопина.

Опасной стороной происходящих в Китае изменений стало сокращение пространства для дискуссий о направлении социального и экономического развития. Осенью 2018 г. огромный резонанс вызвал опубликованный в интернете текст финансового эксперта У Сяопина о том, что частные предприятия выполнили свою историческую миссию и настало время для их передачи в совместное государственно-частное управление. Аргументы в пользу ограничения частного предпринимательства выглядели убедительными и весьма похожими на официальную риторику о необходимости концентрации ресурсов перед лицом внешних вызовов. Государству пришлось оправды-

ваться и доказывать отсутствие намерений проводить национализацию. Поскольку подобные события вызывают панику, способную повредить экономической стабильности, у властей появляется дополнительная мотивация для информационных ограничений в СМИ и Интернете. А это, в свою очередь, ведет к еще большему сокращению пространства для дискуссий.

В заголовке опубликованной десять лет назад книги о КПК известного исследователя Дэвид Шамбо вошли слова «атрофия и адаптация» – правящая партия пребывает в процессе сжатия, но вместе с тем стремится сохранить себя у власти путем активного приспособления к изменяющимся обстоятельствам. Теперь оказалось, что политическая атрофия не является необратимой, КПК быстро накачивает мускулы. Когда нужно было дать простор рыночной инициативе, партия отступила, но когда децентрализация стала создавать хаос и снижать эффективность, партия вернулась. Американская исследовательница Сьюзан Ширк обоснованно отметила, что это может быть циклический, а не линейный эволюционный процесс. К этому следует добавить, что цикличность лучше всего соответствует китайскому представлению об истории. Можно предположить, что если рецентрализация станет очевидной причиной экономического торможения, партия вновь отступит и войдет в состояние временной «атрофии».

Осложнение китайско-американских отношений окажет существенное воздействие на политику Китая. Хотя борьба с коррупцией сохраняет свое значение как фактор укрепления авторитета Си Цзиньпина, на первое место выходит задача общественной консолидации перед лицом внешнего вызова. Изменение международных условий проведения китайских реформ уже придало «новой эпохе Си Цзиньпина» мобилизационный характер в сфере освоения новых технологий и обеспечения импортнезависимости по ключевым видам продукции. Внутри страны возрастает опасность последствий панических реакций в экономике, в том числе вызванных неуверенностью общества и деловых кругов в перспективах развития страны из-за спора с Вашингтоном.

Противостояние не ограничивается вопросами торговли, доступа на рынки и прав интеллектуальной собственности. Заявления американской стороны о том, что Китай является опасным соперником также в политике, военной сфере, идеологии, означают отказ от прежнего курса на сотрудничество. В октябре 2018 г. вице-президент Майк Пенс признал, что в прошлом США уповали на постепенный переход Китая от экономической либерализации к политической и ко все более широкому партнерству – но вместо этого Китай якобы выбрал «экономическую агрессию», которая придала решительности китайским военным.

Ожидания иностранных экспертов были связаны с тем, что по образцу Тайваня и Южной Кореи на излете траектории быстрого экономического роста Китай совершит переход к демократии, и тем самым смягчит разочарование людей в снижении темпов. Си Цзиньпин открыто признал вступление китайской экономики в период «новой нормальности» замедляющегося развития. Поводом для демократизации эта констатация не стала. Можно с высокой степенью уверенности предположить, что Америка не заставит китайское руководство поменять курс в либеральном направлении. Более того, проведенная Си Цзиньпином рецентрализация власти обрела в условиях противостояния новый стратегический смысл. Не безликое «коллективное руководство», а сильный лидер будет отстаивать национальные интересы Китая от ударов со стороны администрации Д. Трампа.

В перспективе весьма вероятно формирование замкнутого круга во взаимном восприятии. Америка, разочарованная тем, что Китай движется в «ошибочном» направлении, будет наращивать давление. Подобная политика будет порождать внутри Китая встречный импульс мобилизации и концентрации. И это будет еще больше убеждать Запад в том, что Китай становится опасным вызовом для «либерального миропорядка».

На деле вызов представляет не сам Китай, а несоответствие тенденций нынешнего цикла в его развитии ортодоксальным канонам западной политологии, в соответствии с которыми углубление рыночных реформ должно с неизбежностью вести к расширению полити-

ческих свобод. Китай не ставит под сомнение легитимность существования негосударственного сектора экономики. Сохраняет актуальность и выдвинутый в период правления Си Цзиньпина призыв к «полному раскрытию роли рынка в распределении ресурсов».

Рассуждения западных политиков и экспертов о том, что Китай представляет опасность, поскольку страна возвращается к эпохе Мао Цзэдуна, с исторической точки зрения кажутся парадоксальными. Ведь именно на закате правления Мао Китай решился встать на сторону США ради создания антисоветского альянса. Однако на уровне политической пропаганды это позволяет Западу переложить на Си Цзиньпина любые обвинения в разжигании новой «холодной войны». Дескать, нынешний китайский лидер стал диктатором, встал выше партийной системы, он творит что хочет внутри страны и за ее пределами, в то время как «ослабленные» политикой прошлых администраций США дают на Китай исключительно в целях самозащиты. Внутренняя нестыковка тут очевидна. Получается, что Си Цзиньпин поставил под угрозу завоевания реформ Дэн Сяопина, что якобы грозит стране экономическим крахом, но при этом могущественный Китай безрассудно бросает вызов Америке по всем направлениям.

Тезис о том, что Китай необратимо скатывается к диктатуре, и потому к нему следует относиться как к сопернику, будет получать на Западе все более широкое распространение в качестве инструмента обоснования политики сдерживания. Последствием станут поляризация оценок и возникновение внутри зарубежного экспертного сообщества непреодолимого разрыва между быстро теряющими влияние прокитайскими «обнимателями панды» (Panda-Huggers) и набирающими силу антикитайскими «убийцами дракона» (Dragon-Slayers). Рост радикальной политизации западного китаеведения приведет к тому, что заимствование его разработок в других странах, в том числе в России, станет невозможным без критической независимой профессиональной оценки. Эклектичное соединение чужих противоречивых суждений будет не столько прояснять, сколько безнадежно за-

туманивать картину происходящего. В связи с этим аналитическая ценность российской традиции изучения идеологии, политики и экономики Китая существенно повысится – хотя восполнить упущенное за минувшие четверть века будет весьма непросто.

**А.Д. Дикарев.** Думаю, у Вашингтона недостаточно торговых рычагов, чтобы вынудить Китай к «капитуляции» на американских условиях, но при этом я не думаю, что «капитуляция» на американских условиях является главной целью США. В Америке, полагаю, осознают, что соревнование с таким серьезным «стратегическим партнером», как нынешняя КНР может быть только мирным. Кстати, развитие событий В Южно-Китайском море в 2018 г. вынуждает американских военных признать, что США практически не могут силовым путем противодействовать доминированию Китая в регионе. Поэтому выдвижение «полного набора» американских требований слишком уж гипотетическая вещь, чтобы о ней рассуждать

Мировое лидерство в сфере науки и техники если и будет достигнуто Китаем, то не скоро, о чем свидетельствует разворачивающаяся борьба с Америкой (и с Западом в целом) в сфере информационных технологий в процессе дальнейшего выхода китайской инновационной продукции на внешние рынки. К тому же здесь следует иметь в виду демографический фактор – по соответствующим душевым показателям (в данном случае имеется в виду охват передовыми технологиями и информационными продуктами всего населения страны) – пока что Китай сильно отстает.

Рост напряженности с Западом однозначно будет толкать Китай к усилению своего влияния в традиционной зоне «китайского мира» – в Юго-Восточной Азии. Но Запад далеко не един, и Китай будет продолжать этим пользоваться в своей экономической политике. Несмотря на огромную емкость китайского внутреннего рынка возврат к концепции «опоры на собственные силы» в экономике представляется маловероятным. Вот в Шанхае открылась выставка импортной продукции, предлагаемой западными производителями.

Какие факторы могут побудить китайское руководство к проведению политических

реформ? Не видно пока таких факторов. Тенденция обратна – концентрация власти возврат к методам управления, более привычным для китайского традиционного менталитета – император и сановники при императорском дворе. Только теперь уже не евнухи.

Примкну к тем, кто считает, что своим успехом китайские экономические реформы обязаны западным концепциям, причем немарксистским. При этом экономическая политика в Китае со времен Дэн Сяопина все-таки уже не так идеологизирована, как ранее, господствует, как известно, прагматизм (безразличие к цвету кошки, охотящейся на мышей). Марксизм и коммунистическая фразеология теперь – не более чем вывеска, дань уважения предкам, в числе которых и Мао Цзедун. Неуклонно возраставшее значение в экономике Китая частной собственности на средства производства и продукцию обусловило феноменальные темпы роста ВВП за прошедшие 40 лет и определяет современную экономическую структуру Китая и ее динамику.

Конечно, может формироваться новый экономический «полнос» современного мира, и он уже формируется в Юго-Восточной Азии. Проблем может возникнуть множество. В частности: давление китайской рабочей силы, или другими словами – возможное несоответствие местной рабочей силы при запуске сложных проектов, инициируемых и финансируемых Китаем в рамках проекта «Один пояс, один путь». Также вероятной проблемой является «кредитная ловушка» для стран-реципиентов, наличие которой с негодованием отвергают в Китае, но которая тем не менее вызывает стойкое опасение у правительств малых стран, полагающих, что бесплатный сыр бывает известно, где...

**Е.Н. Наземцева.** Одним из важнейших рычагов стимулирования роста Китая является диаспоральная политика китайского руководства. Она имеет важное значение в стремлении Китая к обретению мирового господства в науке и технике, что, безусловно, повлияет на его мировой статус. Особенно это касается политики китайского руководства в отношении привлечения в страну молодых и перспективных специалистов из других стран, в частности, из России.

В последние годы число российских молодых специалистов, уезжающих за границу, существенно выросло. Исследователи, изучающие миграционные потоки, отмечают новую волну эмиграции, связанную с кризисными явлениями в экономике и политической жизни России. Эта современная эмиграционная волна получила название «эмиграция разочарования».

Китай пристально наблюдает за внутриполитическими процессами в России и создает у себя выгодные условия для работы молодых и перспективных российских специалистов, в особенности, естественнонаучного профиля. Но и гуманитарии также вызывают интерес. В последнее время выросло число совместных проектов России и Китая, многие русские студенты едут изучать язык и культуру Китая.

Миграция образованных и перспективных молодых специалистов является частью мировых миграционных процессов. В ее основе одна причина – осложнение внутриполитической и экономической обстановки в стране. Однако если массовая миграция населения происходит из-за *кардинального ухудшения* положения в стране, вызванного войнами, природными катастрофами и т.д., то интеллектуальная миграция, которая представлена, как правило, молодыми, хорошо образованными и смелыми людьми, способными пойти на риск и изменить свою жизнь, направившись в страну с иной культурой и историей и готовыми к адаптации в новых условиях, вызвана деструктивными процессами в стране-доноре, имеющими *постепенный* характер.

Как отмечалось выше, российская диаспора имеет важное значение для экономического развития Китая на современном этапе. Ее формирование в Китае наиболее интенсивно происходило на рубеже XIX –XX вв., затем в 1917-1920-е гг., в 1928-1931 гг. и в постсоветский период –после 1991 г.

На протяжении всего XX века политика китайских властей в отношении представителей русской (российской, советской) диаспоры была тесно связана с динамикой отношений двух государств и их особенностями внутриполитического развития. В борьбе за достижение своих внешнеполитических целей и руководство Советской Рос-

сии, затем –СССР, и руководство Китайской Республики на протяжении 1920-х –1940-х гг. активно использовало данный вопрос.

По разным данным число выходцев из бывшей Российской Империи в Китае в 1920-1940-е гг. составляло от 200 до 500 тыс. чел. и более. Японо-китайские войны 1930-х гг. и Вторая мировая война оттеснили вопросы регулирования положения диаспор, в том числе и русской. Но после окончания Второй мировой войны и с образованием КНР китайское руководство вновь обратило пристальное внимание на положение и деятельность находящихся на территории страны представителей различных диаспор. Особое внимание уделялось русской. Этому способствовало и существенное потепление отношений СССР и Китая во второй половине 1940-х гг. Многие русские приняли советское гражданство и уехали в СССР.

Изменения в советско-китайских отношениях, произошедшие в 1950-е гг. и последующее обострение внутривнутриполитической ситуации в стране, связанное с «культурной революцией», прямым образом отразились на положении оставшейся здесь небольшой части русской диаспоры и на изменении политики нового китайского руководства в ее отношении: последовало ограничение прав, практиковались отказы в натурализации и т.д., затем –массовое вытеснение русских из Китая.

Ситуация изменилась только с началом реформ в Китае и последующим потеплением, а затем и в целом налаживанием отношений между СССР, а позже –Российской Федерацией и Китаем.

Количество русских, постоянно проживающих в Китае по данным 2014 г.: около 15 тыс. чел. Количество российских граждан, посетивших Китай: 1923,5 тыс. чел.

Однако внутривнутриполитические и внешнеполитические проблемы Российской Федерации способствуют увеличению миграционного потока, в том числе – в Китай. Политика же Китая в отношении молодых и перспективных выходцев из России постепенно стала частью стратегии «китайской мягкой силы» и в дальнейшем может способствовать интенсивному развитию Китая.

*Материал подготовлен к публикации  
А.Д. Воскресенским*

ROUNDTABLE  
 “PROSPECTS OF CHINESE REFORMS  
 IN A CHANGED WORLD”

PART II: “SLOWDOWN OF CHINESE ECONOMY,  
 THE TRADE WAR WITH THE UNITED STATES,  
 AN ASSESSMENT OF POSSIBILITIES  
 TO STIMULATE THE GROWTH IN CHINA”

<p><b>Article history:</b></p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">15.01.2019</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">13.04.2019</p> <hr/> <p><b>Key words:</b>                  Chinese economy; trade war;                  China; PRC; USA;                  Chinese reforms;                  world leadership; science; tension;                  West; openness; liberalization;                  autarky; political reforms;                  Chinese model;                  Chinese economic “pole”</p>	<p><b>Abstract:</b> The Editorial Board of <i>Comparative Politics Russia</i> publishes a proceedings of the Roundtable “Prospects for Chinese Reforms in a Changed World.” Part II: “Slowdown of Chinese Economy, the Trade War with the United States, an Assessment of possibilities to Stimulate the Growth of China’s Opportunities”, dedicated to the results of an analysis of the dynamics and current state of the process of economic and political reform in China.</p> <p>Researchers from Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, the Peoples’ Friendship University of Russia, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, National Research University Higher School of Economics, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, General Staff Academy of the Russian Federation’s Armed Forces, Russian Institute for Strategic Studies, Lomonosov Moscow State University.</p> <p>Leading Russian experts discussed the new goals of Chinese reforms to gain world leadership in science and technology, the possibility of achieving these goals, their impact on China’s world standing, and the consequences of confrontation with the United States. The question also discussed are; whether would China increase tension with the West – in the direction of expanding openness and liberalizing the economy, or towards increasing autarky in the spirit of “self-reliance”? What factors might prompt the Chinese leadership to undertake political reform? The experts also discussed the environment for the emergence of “Chinese model”, which can be offered as an alternative to the Western model to other countries and the possibility of Russia borrowing any components of the “Chinese model” at the current stage of development, as well as of the other post-Soviet countries. It also analyzed the likelihood that a new economic “pole” of the modern world will form around China, as well as possible benefits and threats for those who will try to join it</p>
--	--

*Prepared for publication by Alexei D. Voskressenski*

*Для цитирования:* Круглый стол «Перспективы китайских реформ в изменившемся мире». Часть II: «Торможение китайской экономики, торговая война с США, оценка возможностей стимулирования роста возможностей Китая» // *Сравнительная политика*. – 2019. №3 – С.114-132.  
 DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10034

*For citation:* «Perspektivy kitayskikh reform v izmenivshemsya ». Chast’ II: «Tormozheniye kitayskoy ekonomiki, torgovaya voyna s SSHA, otsenka vozmozhnostey stimulirovaniya rosta vozmozhnostey Kitaya» (Roundtable “Prospects of Chinese Reforms in a Changed World.” Part II: “Slowdown of Chinese Economy, the Trade War with the United States, an Assessment of Possibilities to Stimulate the Growth in China”) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 2, pp. 114-133.  
 DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10034